

ихъ батюшко необычайной радостью и спрашиваетъ: „Цядо мое милое! кто это у тебя есть—братья-проводники или кто?“—„Нѣтъ, батюшко, это ужъ сыновья мои!“ И пуще того царь обрадивъ, стали жить да быть и теперь живутъ....

27. Ѳедоръ Царевичъ.

Былъ у царя одинъ сынъ, звали его Ѳедоръ Цяревицъ. Вотъ отецъ и мать ево умирають, онъ остается въ малыхъ лѣтахъ, вотъ вырастаетъ онъ до 20 лѣтъ и время приходитъ то, што надо жониться. У ево на дворѣ жили три служанки, и выходитъ первая служанка и говоритъ таковыя слова: „Возьми, Ѳедоръ Цяревицъ, меня въ замужество: я мастерица хлѣбы пекчи!“ Онъ думавъ-подумавъ самъ себѣ: „што-жо мнѣ экая братъ, мнѣ печоново не прійѣсть“. Отъ той нивѣсты отказавсе. Выходитъ вторая служанка и говоритъ: „возьми, Ѳедоръ Цяревицъ, меня въ-замужъ: я мастерица шить“. Онъ опеть думалъ-подумавъ: „што-жо мнѣ въ такой—и шитово не износить“. Отказавсе и отъ этой. Приходитъ и третья служанка и тожо говоритъ: „возьми, Ѳедоръ Цяревицъ меня въ-замужъ: я тибѣ принесу 9 сыновъ, ясныхъ соколовъ, и у каждово сына во лбу ясное солнышко, по косицямъ часты мелки звѣздоцки, въ затылкѣ свитѣль мисяцъ, по локоть руки въ золотѣ, по колѣно ноги—въ серебрѣ“. Вотъ онъ и задумава ее взеть, этакой нивѣсты, говоритъ, мнѣ не добратъсе, этакихъ сыновей мнѣ не народить, это будетъ украшеніе царству. Веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Жонивсе Ѳедоръ Цяревицъ; живетъ съ ней годъ и приживъ ей брюхо, она родила ему трехъ сыновей; царскіе роды (родственники) не досмотрили, кто такой родивсе и первой служанки матку въ бабки созвали побабничеть, въ банькѣ помытъ. Она и понесла злобу на Ѳедора Цяревица, што еѣ доць не взявъ, и снесла этихъ сыновей въ чисто поле и принесла отъ польскѣй суки трехъ псовъ и говоритъ ему: „вотъ, Ѳедоръ Цяревицъ, не взявъ моей-то доцери, гляди-ко—отъ суки-то три пса и родились!“

Ѳедоръ Цяревицъ собиравъ всѣхъ князей, бояръ, рядовыхъ совдатовъ и всю чернеть и ладитъ(ъ) жону казнить. Она была до всяково народу добродительна и стали тутъ ево

упрашивать: „Федоръ Цяревиць не ради её, а ради насъ прости её въ первѣй винѣ!“ Онъ послушавсь, простивъ въ первой винѣ. Вотъ опять живутъ съ годъ времени согласно, и приживъ онъ ей второе брюхо, она родила опять трехъ сыновъ такихъ-жо; царскіе роды не досмотрили, кто такой родивсь, и опять ту-жо бабуку созвали побабницеть, этихъ отроковъ помытъ. Она опять снесла этихъ сыновъ въ чисто поле къ польскоѣ сукѣ и принесла трехъ псовъ да и говорить: „вотъ, Федоръ Цяревиць, побрезговавъ, не взявъ моей дощери, опять отъ суки родились три пса“. Федоръ Цяревиць опять собравъ къ сибѣ всѣхъ князей, бояръ и всю чернеть и сильно возгорѣвсь, надо жону повисить, или какъ нибудь рѣшить ее, што нехорошо въ царскомъ родѣ жона псовъ носить. Она двоёмъ (вдвое) добродительнѣе стала до всево народу; опять ево спрашиваютъ: Федоръ Цяревиць! ты не ради её, а ради насъ прости и во второй винѣ, а ужъ третью пригодишь, то што знаешь, то и дѣлай“. Онъ послушавъ ихъ, простивъ и во второй винѣ жону. Опять живутъ съ годъ времени съ ней единогласно и прижили третье брюхо. Родила она опять трехъ сыновъ и догодалася, што дѣло неладно, одново сына и сунула сибѣ за рукавъ, не показала некому. Федоръ Цяревиць приказавъ опять ту-жо бабуку созвать обабницеть отроковъ. Она опять снесла ихъ въ поле и принесла двухъ псовъ и говоритъ ему то-жо самое, што и раньше.—„Да и въ томъ-то, говоритъ, она обманула тебя, што ладила 9 сыновъ принести, а принесла 8 псовъ только“. Федоръ Цяревиць въ третей разъ собиравъ всѣхъ князей и бояръ и всю чернеть, што надо казнить жону. И стали ево спрашивать: „ты не ради её, а ради насъ не казни, не вѣшай, прикажи ты мастерамъ сдѣлать дубовую боцьку и набить жолѣзно обрѣцѣе и посади въ боцьку, спусти ее на сине-морѣ и тамъ когда ей смерть будетъ — такъ и ладно!“ Онъ послушавъ ихъ, приказавъ сдѣлать боцьку дубову и набить жолѣзно обрѣцѣе и посадить ее туды. Посадили и спустили на сине-морѣ и отпехнули ногой отъ берегу, понеси куда надо. Послѣ того Федоръ Цяревиць веселымъ пиркомъ да и за свадебку и взявъ за себя первую служанку, што просилась раньше.

Жона-жо въ боцькѣ питала своего сына изъ своихъ грудей, который былъ сунуть за рукавъ-то, и нарекла ему

имя „малой жучко“. Онъ ставъ выростать въ боцкѣ раженкой и говорить таковы слова: „Матушка! мнѣ тѣсно стало въ боцкѣ; благослови меня потянуться!—Ахъ ты, моё цядо милое, дитя любимое,—говорить она,—я не смію и пошевелиться, не то што потянуться, подъ нами синѣ-море глубокіе топи!..“—„Нѣтъ, матушка,—говорить,—подъ нами луга зеленые, травы шовковые“. Она и благословила. Онъ какъ потянувся, обруцѣе все прилопало и тоцѣно—подъ ними были луга зеленые и травы шовковые, и это мѣсто было по край большой дороги. Сынъ поставилъ тутъ бѣло-полотнянный шатеръ, у шатра выкопавъ колодецъ и пови-сивъ черпакъ золотой. Изъ колодца стали выходить яства сахарніе, напитки пьяные, тутъ они и стали жить. Вотъ идутъ мимо ихъ нищіе-калики и просятъ у вдовы честной переночевать. Она пустила, поила и кормила ихъ, что было за душой. По утру калики вставаютъ и спрашиваютъ, гдѣ попрямая дорога въ такое-то царство?—Она приказала своему сыну перевести прямымъ трахтомъ, сухимъ путемъ возлѣ синя-моря въ царство къ Ѳеодору Царевичу. Сынъ перевелъ, а самъ обернувся мухой и сѣвъ имъ въ корзинку.

Ѳеодоръ Царевичъ до нищихъ былъ доброй; когда пришли калики, приказавъ своимъ служанкамъ поставить столы дубовы, разос(т)лать скатерти берцятые, принести яства сахарніе и напитки пьяные. Потомъ у нихъ онъ и спрашиваетъ: „вы, калики, широко ходите, видали-ли такіе яства сахарніе и напитки пьяные?“—Извольте (позвольте), Ѳеодоръ Царевичъ, слово молвить, не извольте насъ не казнить, не висить?“ Ѳеодоръ Царевичъ сказавъ, што говорите чево хотите, казни вамъ не будетъ отъ меня.—„Есть за синемъ моремъ вдова честная, у ней рождень есть сынъ, на лбу солнышко, по косицамъ часты мелки звѣзды, по-локоть руки въ золотѣ, по-колѣнъ ноги—въ серебрѣ, у нихъ поставленъ бѣло-полотнянный шатеръ всего твоего царства дороже; у этово шатра выкопанъ колодчикъ и повѣшанъ черпакъ золотой; изъ этово колодца всякіе яства сахарніе и напитки пьяные выходятъ“.

Вотъ Ѳеодоръ Царевичъ и загорѣвъ тутъ, надо ѣхать за синѣ-море узнать, какая тамъ живетъ честная вдова? Ево вторая жона и стала уговаривать. „Ахъ, ты, Ѳеодоръ Царевичъ, не выдавъ ты нищихъ, поѣзжай-ко ты въ цисто поле,

тамъ ходить свинка золотая щетинка, привези ты её, такъ вотъ у насъ будетъ всему царству украшеніе“. Мушка это выслушала, обвернулась молодцемъ и уѣхавъ въ чисто поле, поймавъ тамъ свинку и увезъ за сине-море къ матерѣ. Ѳедоръ Цяревицъ ѣздивъ-поѣздивъ въ цистомъ полѣ — ничево не могъ найти...

Опять черезъ нѣкоторое время идутъ калики перехожіе, нищіе-убогіе черезъ эту вдову честную и выпросились у ней ноцевать. Она около ночи поила, кормила ихъ, что за душой есть. Поутру онѣ и спрашиваютъ: гдѣ въ это царство дорога попрямя. Она опять наказываетъ сыну провести ихъ, онъ провелъ, а самъ обвернувшись опять мушкой и сѣвъ въ корзину. Запесли они ево къ Ѳедору Цяревицу въ палаты, тотъ угостивъ нищихъ всѣми яствами и напитками, што у ево въ царствѣ есть, и спрашиваетъ ихъ: „вы, нищіе, калики убогіе, широко ходите-брѣдите, видали-ли такіе яства сахарніе и напитки пьяныѣ, што у меня есть?“—„Извольте, говорятъ, Ѳедоръ Цяревицъ, слово молвить, не извольте не казнить, не вѣшать“. Онъ имъ сказавъ, што казни имъ не будетъ, говорите што угодно. — „Есть за синемъ моремъ вдова честная, у ней рожденъ сынъ, во лбу красно солнышко (и т. д.), у нихъ поставленъ шатрикъ, што всево твоего царства дороже. (Продолженіе о колодцахъ и черпакѣ). „Есть еще у нихъ приведена свинка золотая щетинка, такъ вотъ украшеніе-то! При этомъ шатрикѣ стоитъ дубъ, на дубу сидитъ котъ „баюнъ“, когда забаетъ, голосъ ево слышно за 7 верстъ, волоса на головѣ вянутъ“.

Спровадивъ нищихъ, Ѳедоръ Цяревицъ опять возгорѣвъ, надо ѣхать за сине-море, узнать, какая такая вдова честная живетъ? А жона ево говоритъ: ахъ, Ѳедоръ Цяревицъ не выдавъ ты нищихъ, не мало набѣютъ тибѣ худыхъ риней только слушай! Поѣзжай-ко лутше въ чисто поле гулетъ, тамъ есть кобылиця-зматолиця и тридцать одинъ жеребецъ,—поймай, такъ украшеніе будетъ всему царству. (Здѣсь опять повторяется тоже, что Ѳедоръ Цяревицъ ѣздилъ и ничего не нашелъ, а мушка подслушала и увела эту кобылицу за море, а затѣмъ опять являются калики къ Ѳедору Цяревицу и расхваливаютъ житье-бытье „честной вдовы“). Жона его опять говоритъ ему, — охота тибѣ, Ѳе-

дору Цяревиць, пустыхъ рицей слушать, поѣзжай-ко въ цисто полѣ, тамъ стоитъ 8 шатровъ, въ этихъ шатрахъ живетъ 8 молодцовъ, у каждаго молодца во лбу по красному солнышку, въ косицахъ часты-мелки звѣзды, на затылкѣ свѣтелъ мисяць, приведи-ко такихъ молодцовъ — вотъ и житье намъ съ тобой будетъ хорошее“.

Этотъ Жучко (муха) опять выслушавъ и отправивсѣ къ матерѣ своей за синѣ-море, велѣлъ ей пацѣдить отъ своихъ грудей молока и на этомъ молокѣ испекчи 9 колобковъ. Та испекла. Онъ отправился съ колобками въ цисто полѣ и нашелъ 8 шатровъ и угодилъ въ тотъ шатѣръ, гдѣ-ка онѣ хлѣбъ-соль кушаютъ, и положилъ 8 колобковъ, а 9-й откусивъ самъ. Вотъ братья ево приходятъ съ гулянья обѣдать и этому чуду удивляются: пошли, ничево на столѣ не оставили, а сейчасъ на столѣ явились хлѣбы. Одинъ изъ молодецѣй и говоритъ: это отъ нашей матушки гостинцы, вѣдь насъ 8 братовъ, 8 и колобковъ поставлено, а девятого колобка откушено, значить и 9-й братъ здисъ“. Жучко выходитъ изъ-за пещки и говоритъ: „здравствуйте, родимые братиця!“ Всѣ другъ дружкѣ обрадѣли несказанно. Вотъ на этихъ коняхъ они всѣ и отправились за море къ матерѣ своей. Федоръ-же Цяревиць ѣздивъ-поѣздивъ по цистому полю, никакихъ шатровъ не видавъ.

Опять идутъ изъ-за моря къ Федору Цяревицю калики убогіе; онъ принимаетъ ихъ, поить и кормить втроемъ лутше перваго разу, потомъ и спрашиваетъ: вы широко, нищіе, ходите-бродите, видали-ли такіе яства сахарніе и напитки пьяные, какъ у меня?“ (Калики спрашиваютъ у Федора Цяревиця позволенія свободно высказаться; онъ позволяетъ, тогда они говорятъ:) „Есть за синемъ-моремъ вдова честная, у ней 9 сыновъ ясныхъ соколовъ, у каждаго во лбу по солнышку (и т. д.), у нихъ поставлено 9 шатровъ, а и одинъ такъ не дешевлѣе вашего всего царства. При этихъ шатрахъ у нихъ выкопанъ колодець и повѣшенъ черпокъ золотой, изъ этово колодца выходятъ яства сахарніе, питья пьяные, у нихъ жо къ шатрамъ приведена свинка золотая щетинка, такъ любо смотреть! Есть еще у нихъ у этихъ шатровъ дубъ стоитъ, на дубу сидитъ котъ „баюнъ“, когда баеть,—голосъ ево чутко за 7

версть, и волосы съ головы вянутъ, когда забаетъ. Есть у нихъ кобылиця-златолиця и 31 жеребецъ, вотъ имъ любо-то на гуляньё їздить!

Проводивъ Ѳедоръ Цяревицъ нищихъ и загорѣвъ, надо ѣхать за сине-море, надо извѣдать, какая тамъ честная вдова есть? Второй жонѣ оболгать больше нечѣмъ, она нарядила силы на дорогу и ставитъ тамъ копья вострыя, чтобы мужъ поѣхавъ и заколовсѣ. Ѳедоръ Цяревицъ поѣхавъ.

Вдругъ выходитъ изъ стороны ево младшій сынъ Жучко и говоритъ, што я твой сынъ, Ѳедоръ Цяревицъ. Тутъ онѣ обрадили другъ дружкѣ необычайной радостью. Потомъ Жучко и говоритъ таковы слова: „не їзди, мой батюшко, тѣми путями-дорогами, самъ сколешья и коня сколешь; я тебя проведу другой дорогою“. Вотъ сили они на своихъ на кобылицъ и отправились за синѣ-море. Приѣхали туда, Ѳедоръ Цяревицъ поздоровался со своей жоной, и она ему на отвѣтъ говоритъ таковы слова: „ахъ, какъ ты награвявъ надо мной, Ѳедоръ Цяревицъ! Я вѣдь тебя не обманывала, видишь, принесла 9 сыновъ, 9 ясныхъ соколовъ“...—„Не я надъ тобой нагрѣявъ, говоритъ Ѳедоръ Цяревицъ, а нагрѣяла надъ тобой злая бабка, мать моей первой служанки“...

Вотъ онѣ собрались во путь, во дороженьку, сили на эту кобылицю и жеребятъ и переѣхали со своими шатрами въ свое царство. Тутъ Ѳедоръ Цяревицъ несказанно обрадѣвъ, што полуцивъ свою первую жону, а ту приказавъ сейчасъ-жо посадить на ворота, растрелять и изрубить на кусь (куски) и кусь вынести въ полѣ и сожещи на огнѣ. Потомъ не обманывай! (добавилъ рассказчикъ). И съ тѣми сыновьями стали они жить да быть, и теперъ ищю живутъ...

Вельскій у., Тавренгская волость. Со словъ Астафія Матушкина. 90-е годы.